

Воображение: pro et contra

В статье рассматриваются вопросы о происхождении воображения и его связи с процессами социального конструирования. Мы полагаем, что творческий исток воображения тесно связан с активностью природных инстинктов, поддерживающих жизнь человеческого тела. Поэтому в жизни, деятельности и действиях людей всегда будет проявляться один и тот же, абстрактно-общий, образец социальной организации, репродуцирующий разные формы и конфигурации природно-родового порядка-из-хаоса. Воображение – неотъемлемый участник этого воспроизводства. Угасание силы воображения может указывать на то, что человечество достигло состояния «просветленного сознания», погруженного в чувства настолько чистые, что обретается способность «видеть» суть вещей, а в логические рассуждения привносится ясность о том, что же на самом деле происходит с теми или иными феноменами действительности. Однако, в действительности имеет место угнетение работы правого полушария мозга, смещающее фокус сознания в зону небытия.

Ключевые слова: социальное конструирование, воображение, естественные инстинкты, абстрактно-общий образец социальной организации, смещение фокуса сознания.

Summary

In this article, we ask the following questions: What determines the creative power of imagination, what is its source? How does imagination influence the life of a person in the society? There is no doubt about the fact that imagination takes an active part in the constructive social process. Imagination helps to create various configurations of different social orders. It is essential to understand the patterns of the creating society. The activity of certain natural instincts that support the life of a human body is the creative source of imagination. That is the reason why the life and activity of different people will always demonstrate the common pattern of social organization. Imagination plays a crucial part in this reproduction. If the power of imagination weakens, it might indicate that the humanity has reached the state of Enlightenment that exists within the feelings so pure that they enable us to see the essence of things. However, we have only the oppression of the activity of the right hemisphere of the brain, which shifts the focus of the consciousness towards the unreal and not existing.

Keywords: designing of social process, imagination, natural instincts, the common pattern of social organization, shifting the focus of consciousness.

Воображение играет значительную роль в установлении общества: «социальное воображаемое, как мы его понимаем, более реально, чем сама «реальность»[7, 158]. В рамках гомогенной структуры общества с помощью воображения выстраиваются социальные порядки различной конфигурации. При его участии структурируются человеческие отношения, подчиняющиеся определенным ценностям, правилам, нормам. Воображение так же способствует формированию социальных регуляторов взаимоотношений людей с миром, друг с другом. В числе таких регуляторов – традиции, обычаи, ритуалы, различного рода институты. С воображением тесно связаны особые человеческие качества – совесть, интеллектуальное и интуитивное знание, различающее мышление, духовное зрение, любовь к мудрости. *Как влияет воображение на жизнь человека в обществе? Как оно сказывается на взаимозависимостях сокровенного-игрового, выдуманного-прожитого, понарошку и/или всерьезпережитого?*

Людям небезразлично, по каким лекалам устроено общество, что в нем иллюзорно, а что приближено к действительности. Они стремятся понять, каким способом следует (или не следует) проявлять себя в различных ситуациях: публично, в быту, наедине с близкими и с собой. Соотношение иллюзорного и реального влияет на то, как люди относятся друг к другу (по принципу «быть» или «иметь»), по каким правилам взаимодействуют (правды или лжи), выдают ли они желаемое за действительное, допускают ли (и в какой мере) зазор между намерениями и поступками, а главное – способны ли они любить (самоотверженно и бескорыстно), дружить (понимая и прощая). Или же их удел – симуляция всего и вся, пришедшая на смену тотальной калькуляции и максимизации полезности. А может быть, они проживают жизнь, чтобы научиться лавировать между двумя обозначенными крайностями... *Что следует понимать под воображением?* Вслед за С.А. Никитиным определим воображение как способ видения новых миров, побуждающий к тому, чтобы произвести то, чему нет аналогов в реальности. Здесь мы поставим во-

просы: а почему? *Чем обусловлена творческая сила воображения, каков ее источник?*

Согласно взглядам Дж. Вико, воображение сопровождает мысли, вызываемые чувствами особого рода – вулканическими страстями. Мысль, рожденная страстью, не только воспаляет, но и воодушевляет – как героев, так и поэтов. Страсти – язык тела (А.Лоуэн), передаваемый чувственно-эмоциональными образами, рожденными наглядными представлениями об объекте страстей. Непосредственный контакт с этим объектом не обязателен: воображаемое содержание порожденных им образных представлений существует от него автономно. В данной связи правомерно утверждать: воображение содержит пространственную компоненту. Ее объем вмещает содержание того, что наглядно представляемо посредством образов воображения и существует автономно от реального объекта, воссоздаваемого в акте воображения. Из исследований Б.Раушенбаха [См.: 10] вытекает, что пространственная компонента воображения изменяет свою перспективу при переходе человечества от одного культурно-исторического этапа развития к другому. Одна из причин этого – действие эмоционального импульса в пространстве воображения. Силой эмоций человек воспаряет, как на крыльях Пегаса, к новым мирам – с тем, чтобы затем вновь погрузиться в бессознательный исток древнейших жизненных инстинктов.

Д.Юм в «Трактате о человеческой природе» понимает воображение как способность человека к идеальному представлению о чем-либо (представлению о чем-либо в его совершенстве). Критикуя понятие субстанции, и объявив идею субстанции фикцией воображения, Юм выделил наглядные представления, сохраняющие живость впечатлений в противоположность идеальным. Впечатления (восходящие к наглядным представлениям) в воображении теряют живость. Но не под влиянием «естественной склонности воображения», а в силу того, что на воображение влияет *смена идей* – особенно в процессе представления отдаленных предметов. Она связана с мыслями о расстоянии, отделяющем нас от воображаемого объекта, и влияет на воображе-

ние, а, следовательно, на волю и аффекты. Поэтому «...всякая наличная в памяти [идея], которая напоминает непосредственное впечатление по живости своего воздействия на ум, должна играть важную роль во всех операциях нашего ума и должна быть легко отличимая от простых фикций воображения» [12, 163]. Впечатления под влиянием воли (контролирующей смену идей) теряют живость, причиненную возбуждением аффектов, и становятся совершенной идеей (идеалом). Идеал, к которому восходят идеи воображения, следует полагать источником постоянных и упорядоченных фигур в воображении. Вот так воображение оказывается механизмом образования общего правила суждений (оно, следовательно, восходит к идеалу как форме совершенных идей воображения).

В «Критике способности суждения» И.Кант связывает воображение с представлением по причине способности первого порождать абстракции и тем самым быть соединяющим звеном разума и рассудка. Согласно Канту, воображение через представление восходит к идеалам, оборачиваясь совершенными идеями, оформляемыми абстрактными понятиями рассудка. Действие способности воображения порождает «обобщающее понимание» предмета знания как предмета совершаемой нами деятельности познания. Гносеологически оно соотносится с идеальными представлениями (следовательно, с совершенными идеями и абстрактными понятиями). Эстетически оно соотносится с чувствами очень высокого порядка (такими, например, как чувство возвышенного или же чувство прекрасного): «прекрасное служит, по видимому, для изображения неопределенного понятия рассудка, возвышенное – для такого же понятия разума ... Если первое (прекрасное) ведет непосредственно к усилению жизнедеятельности и поэтому может сочетаться с привлекательностью и с игрой воображения, то второе (чувство возвышенного есть...не игра, а серьезное занятие воображения» [6, 250].

Логично предположить: в случаях, когда воображение сопровождает процесс мышления, абстрактные понятия рассудка содержат энергию возвышенных чувств и эмоций, привносимую в мысли чувственно-эмоциональными

образами воображения. Рассудок, озаренный возвышенными чувствами воображения, оперирует абстрактными понятиями, содержанием которых являются идеальные мысле-образы. Энергия мысли облачается в чувственно-эмоциональную форму тончайшего материального качества (не сгущенной, разряженной материи) совершенной идеи. Мысль содержит высококачественную (духовную) энергию идеальных представлений о чем-либо. Это энергия эстетической формы идеала, и она действует через воображение, наполняя абстрактные понятия рассудка. Поэтому воображению свойственна способность порождать абстракции и соединять тем самым разум с рассудком. Вывод: воображение, согласно Канту, привносит в мыслительный процесс особую структурную единицу – энергию идеала, чистой эстетической формы выражения возвышенных чувств и представлений. Благодаря воображению творческое состояние мыслителя отмечено эмоциональным импульсом вдохновения, вне которого познание истины неосуществимо. Истина, доступная трансцендентальному субъекту, откликается на вдохновенное стремление к ней. Восходящая к идеалу мысль пронизана энергией высших чувств. Исследовательское вдохновение сопровождает каждый познавательный акт, преодолевает сухие логические связи прозрачным дыханием живых символов и метафор.

В «Идеях к чистой феноменологии и феноменологической философии» Э. Гуссерль показывает, как способность человека к воображению участвует в порождении людьми и общества, и науки. А для инициации работы воображения, как полагает Гуссерль, нужно, чтобы уже действовало чувственное восприятие. Его посредством человек воспринимает объекты реального мира, «сам же мир обладает своим бытием как неким “смыслом”, предполагающим абсолютное сознание в качестве поля, на котором совершается наделение смыслом ... Это поле – бытийная сфера абсолютных истоков – доступно созерцающему исследованию и несет на себе бесконечную полноту доступных ясному усмотрению познаний, отмеченных величайшим научным достоинством» [3, 281]. Чувственно данные объекты этого мира воссоздаются в вооб-

ражении путем воспоминания. Следовательно, один и тот же объект может быть дан двумя путями – посредством чувственного восприятия и посредством воображения. И то, и другое – две равноправные разновидности интуиции. Через них интуитивные интенциональные акты помогают осуществлять непосредственную данность объектов. Интенциональные же объекты конструируются через согласование работы воображения, чувственного восприятия и усмотрения сущности («идеирующей абстракции»). Следовательно, среди интенциональных объектов могут быть обнаружены объекты воображения. Они есть то, что видится как объективное, которое не является объектом. Область воображаемых объектов шире, чем область чувственно-воспринимаемых объектов (так как не все воображаемые объекты могут быть восприняты чувственно). Объекты, представленные при помощи воображения (но внешние по отношению к нему) находятся в сознании как фикции, являющие собой образы этих объектов. Фикции – это образы тех объектов, которые человек воображает, это представления о реальных объектах, а не реальные объекты как таковые. Представление об объекте есть устойчивая часть любой фикции, которая определяется Гуссерлем как эйдос (сущность, чистое понятие) воображаемого объекта. Интерпретируя эйдосы, мы оперируем фикциями, так как видим сущности из воображения, в актах идеирующей абстракции. Каждый индивидуальный объект двуедин: неповторим (существует здесь и теперь) и является проявлением универсальных категорий, на которые воздействуют универсальные законы. Достижение ясности его понимания – длительный процесс, так как ясность в опыте не дана. На пути ее достижения восприятие очищается от «психизмов» и «физиологизмов» жизненного мира эмпирического субъекта (наполненности чувствами, эмоциями, душевными переживаниями и пр.). Мышление, опирающееся на выделенную таким способом интенциональность, претерпевает ряд последовательных редукций и приводится к состоянию «чистой логической связи», продуцируемой интеллектом сугубо интуитивно (в актах идеирующей абстракции) т.е. без участия эмоций и чувств. Э.Гуссерля, следовательно, интере-

сует чистая логическая связь эйдосов, полученная путем очищения фикций от наслоений психической жизни. Оперирова значениями фикций, возможно интерпретировать эйдосы, обозначающие мир, в котором нет различия между иллюзией и реальностью. Получается, что феноменологическое сознание (мышление) основано на субъективном восприятии каждым-в-отдельности своей жизни в мире, где выдуманное и подлинное тесно переплетены – настолько, что желаемое может выдавать себя за действительное. Грани между действительностью и иллюзией не существует, поскольку восприятие подвластно оценочной избирательности, направляющей любой интенциональный акт. В его материи видимо то, что значимо в данный момент в данной перспективе, возникающей вместе с конкретной данностью интенционального объекта, составляющей именно этот интенциональный акт, и не тождественной полноте сущностных характеристик интенционального объекта. Согласно Гуссерлю, воображение позволяет мышлению оперировать фикциями, конституирующими интенциональные объекты (и реальные, и воображаемые) жизненного мира, стирая различие между реальным и воображаемым.

Хотелось бы разобраться, так ли уж описанное Э.Гуссерлем феноменологическое сознание отличается от массового парадоксального сознания индивидов современного общества? Первое редуцируется к чистой логической связи эйдосов, выведенной при обращении к фикциям и ряду редуций. Последнее изобилует симулякрами (Ж.Бодрийяр) и фантазмами клипового сознания (Э. Тоффлер). Объекты – плод переживания, неразрывного с воображением и чувственным восприятием. Они возводятся в статус «интенциональных» по мере очищения от миазмов чувственного воображения. В ходе последовательных редуций на их месте обнаруживаются сначала фикции, затем чистые сущности (эйдосы), состоящие в «чистой логической связи». То есть эйдосы Гуссерля отличаются от симулякров Бодрийяра очищенностью от психизмов чувственного восприятия и логической связанностью. Но, как и симулякры, они основываются на фикциях, благодаря которым мышление распространяется на сферы и реального, и иллюзор-

ного. В силу этого появляется возможность размышлять обо всем, что оказывается в фокусе субъективных интенций. Сомнений в целесообразности размышлений на любую тему не возникает. Настораживает одно: в рамках интенционального мыслительного процесса *очевидные реальности могут игнорироваться и обретать в сознании статус фикций. И наоборот: фикции могут обретать в сознании статус очевидных реальностей*. Именно этот парадокс описан Ж.Бодрийяром в концепции симулякра. Мозг не различает, из какой сферы ему послан импульс – из сферы реального или из сферы иллюзий. В обоих случаях он успешно оперирует возникающими образами объектов[1, 200–221]. Данный эффект – предмет исследований, проводимых в области нейросайенс (в частности, в рамках НЛП-технологий). Мыслящий научным образом индивид остается человеком толпы, не различающим истинное и ложное. Мыслителя, следовательно, можно представить дважды: как индивида, обладающего личностным самосознанием и как носителя массового сознания. В рамках последнего случая научная мыслительная деятельность может быть определена как особое состояние массового субъекта, характеризующее тем, что субъект, пребывая в данном состоянии, не проводит различия между иллюзией и реальностью. Интересно было бы понять, какой механизм позволяет фикциям воображения поддерживать состояние сознания, которое не предполагает проведение различия между истинным и ложным, но, тем не менее, сохраняет все признаки логической мыслительной деятельности? Ответ на этот вопрос желательно искать в экспериментально подтверждаемой (естественно-научной) области. Иные способы обоснования располагаются в области спекулятивных умозаключений.

Обратимся к исследованиям, проводимым в 80-х годах XX века Лабораторией функциональной асимметрии мозга человека Института эволюционной физиологии и биохимии им. И.М.Сеченова АН СССР[4, 67–72]. Четверть века назад известный отечественный нейрофизиолог, доктор медицинских наук В.Деглин, поставил вопрос: *можно ли видеть одно, а воспринимать видимое как другое?* Результатом экспериментов явился вывод: *сознание, в котором*

фигуры замещают реальность, потенциально присуще каждому человеку. От чего зависит подобного рода эффект? Отвечая на вопрос, воспользуемся текстом статьи В.Деглина и эмпирических обоснований ответов. В случае теоретических обоснований человек решает задачу логически и не выходит за пределы того, что дано в посылках. Истинность ответа гарантируется правильностью и последовательностью мыслительных операций, а не действительностью. В случае эмпирических ответов человек воспринимает посылки как не связанные между собой сообщения. Ответ основан на жизненном опыте и знании реалий, на выходе за рамки силлогизма и апелляции к действительности. Следовательно, эмпирическое мышление ограничено тем, что оно вращается в пределах уже известного. Когда угнетено левое полушарие, и функционирует только правое, испытуемые не принимают ложных посылок. Те же испытуемые, когда у них угнетено правое полушарие, не смущаясь сомнительностью посылок, делают ложный формально-логический вывод. *У людей, владеющих логическим мышлением, сохраняется эмпирическое мышление, поскольку оно спасает от сомнительных выводов, построенных на шатких основаниях.* Эмпирическое мышление может помочь в случае, когда реалии известны, ситуация знакома, есть опыт. На базе эмпирического мышления нельзя решить новую задачу. Что на это влияет?

Разные типы мышления территориально разделены, они связаны с разными отделами мозга. Эмпирическое мышление базируется на деятельности структур правого полушария, теоретическое – левого. Левое полушарие содержит механизм, ответственный за правильность и последовательность мыслительных операций, безразличный к «материалу», которым оперирует мысль – он лишь осуществляет комбинацию знаков. Полноценно функционировать такой механизм не может, только манипулируя «чистыми» знаками, свободными от обозначаемых предметов, то есть его можно назвать «синтаксическим механизмом» (синтактикой в науке о знаках называют проявление способности словесных знаков вступать в какие-то связи друг с другом, комбинироваться по определенным правилам). Механизм же правого полушария

следит за добротностью материала, которым оперирует мысль, устанавливает соответствие мысли реальности, обеспечивает связь с обозначаемым фрагментом реальности. Такой механизм плохо приспособлен к комбинированию знаков, то есть к логическому развитию мысли, иными словами – это «семантический механизм». Семантика и синтаксис – две различные характеристики знака. Вероятно, в этом кроется одна из причин территориального размежевания мозговых механизмов, обеспечивающих разные аспекты мыслительной деятельности. Тем самым природа очень остроумно разрешила, казалось бы, неразрешимое противоречие: территориально разделив противоположные по функциям механизмы, она позволила им функционировать одновременно, не мешая друг другу. Появление формально-логического, теоретического мышления не ведет к исчезновению более раннего, эмпирического типа мышления. Оба типа мыслительной деятельности сохраняются и сосуществуют у каждого из нас.

Одна из поставленных перед экспериментаторами задач состояла в выяснении отношения каждого полушария к семантике слов, его связи с обозначаемым фрагментом действительности. Было обнаружено, что при угнетении активности правого полушария, те же самые слова тот же самый человек классифицирует по принципу синонимии и антонимии (системных отношений в языке). Для того чтобы слова могли комбинироваться по правилам иным, чем правила комбинации вещей, они должны осознаваться как объекты, отдельные от именуемых ими вещей, то есть должна ослабеть семантическая связь слов и вещей. Стало очевидно, что левое полушарие «осознает» морфологическую членимость слова, и что для него в знаке наиболее существенна возможность вступать в комбинации, связываться с другими знаками. Поэтому знак, находящийся в ведении левого полушария, произволен, легко отделим от обозначаемой вещи, что и обеспечивает ему подвижность и активность. Отсюда и вывод о том, что левое полушарие ответственно за семантику – свободу комбинации знаков. Только оно способно комбинировать и перекомбинировать части слова (морфемы) и использовать их как типовые

блоки, создавая из одних слов другие. Но это возможно, когда слово выступает как созданный, «рукотворный» объект, который может быть отделен от обозначаемого этим словом предмета или явления и может вести самостоятельное существование. Иначе говоря, левое полушарие прекрасно осознает условность и произвольность семантики слов. Его не шокирует сочетание «лед и пламень». Но за синтаксис левое полушарие «платит» семантикой.

Напротив, правое полушарие не осознает условности и произвольности семантики слова. Для него каждое слово неотторжимо от обозначаемого предмета (принадлежит ему, является его частью, признаком, подобно форме и цвету) и дано априорно естественным путем. Из слов «хороший», «умный», «неплохой», «неглупый», «плохой», «глупый», «нехороший», «неумный» оно конструирует две характеристики, два «портрета»: положительного и отрицательного героя (классифицируя не слова, а качества, обозначаемые словами). Когда работает одно левое полушарие, а правое угнетено, человек отбирает вместе «хороший», «плохой», или «умный», «неумный». Выяснилось, что правое полушарие манипулирует словом как обозначаемым им объектом. Знак слит с предметом, вещью. В знаке наиболее существенна связь с обозначаемым объектом, вплоть до полного отождествления. Несомненно, правое полушарие ответственно за семантику знака. Но «за это» оно вынуждено поступиться синтактикой – свободой вступления знаков в разнообразные комбинации: в мире реальности существуют жесткие ограничения на комбинации, в этом мире нельзя соединить лед и пламень. То есть знак, находящийся в ведении правого полушария инвертен.

Эксперименты показывают, что нарушение гармоничного сотрудничества двух полушарий мозга, освобождение левого полушария из-под контроля правого приводит к торжеству парадоксального сознания, когда человек знает реалии, но дает ответ, в котором реалии игнорируются, а фикции торжествуют. Парадоксальное сознание – это изолированное функционирование левого полушария, мыслительная деятельность в условиях отключения правого. Парадоксальное сознание не только играет роль психологической защиты

от парадоксального бытия, – оно способно одновременно и творить это парадоксальное бытие, творить мощное поле общественного сознания, препятствующее обновлению социальных структур. Мы сталкиваемся с ним, когда теоретическое, левополушарное мышление не корректируется эмпирическим, правополушарным. То есть парадоксальное сознание, как любая психологическая защита, не является осознанным лицемерием: парадокс его заключается еще и в том, что человек остается искренним.

В найденном принципе асимметрии функций полушарий таится потенциальная опасность. Стоит по той или иной причине чаше весов склониться влево – и в существующей действительности (реальности) все подлинное уходит в небытие, а фиктивное с успехом действует. Пока левополушарный и правополушарный механизмы работают сопряженно, мысль может воспарить сколь угодно высоко, но освободиться от земного притяжения ей не грозит. Однако, если по какой-либо причине правополушарный механизм устраняется и вещь перестает отягощать знак, земное притяжение исчезает. Мысль попадает в такие сферы, в которых все возможно, в которых нет грани между реальным и фиктивным, в сферы, населенные призраками. Как только сквозь знаки начнут просвечивать означаемые вещи, знаки отяжелеют, потеряют свободу комбинации, утратят активность.

Подчеркнем: нарушения механизма асимметрии функций полушарий человеческого мозга позволяют фикциям воображения поддерживать состояние сознания, не различающее истинное и ложное (подлинное и неподлинное, иллюзию и реальность) но, тем не менее, сохраняющее все признаки научной мыслительной деятельности. Потому что у *людей, владеющих логическим мышлением, сохраняется эмпирическое мышление*. Оно обостряет критическое умонастроение, спасающее от сомнительных выводов. Однако истина может быть обнаружена в ходе практической проверки только в том случае, *если человек мыслит в пределах уже известного*, если ситуация ему знакома и его опыт содержит самостоятельно найденное решение. Если же такого опыта нет, то эмпирическое мышление не поможет справиться с новой зада-

чей. Оно бездейственно и индивид, переживая сомнение, не обнаружит правильный ответ. Более того: он будет не склонен его искать. Что отвратит мыслителя от поиска истины, что переведет стрелки дорожных путей?

Фундаментальная причина данного «когнитивного сбоя» восходит к принципам исключения и центрации, которые (как показали философы-постмодернисты в ходе критики традиционной структуры знака) алгоритмизируют рациональную мыслительную деятельность, ограждая ее от влияния личного и коллективного бессознательного. В самом деле: за феноменом центрированной субъективности скрывается личностное самосознание (эго-сознание, «я»), носитель которого предпочитает воспринимать лишь ту информацию, которая поддерживает его высокую самооценку, и не воспринимает то, что ее подрывает. Результатом такого «исключающего» восприятия является специфическая работа ума, особый способ порождения мыслей – согласно общему правилу вынесения оценочных суждений. Подчиняясь последнему, центрированный ум мыслит дуальными парами (бинарными оппозициями), где одной из сторон отдается предпочтение. Дуальное восприятие мира – проблема центрированного на себе самом «я». Эго-сознание, опираясь на прошлый опыт, начинает оценивать случающееся с ним событие, формировать отношение к нему. Каждая мысль о событии содержит в себе какое-нибудь определение (вещей, событий, людей), т.е. несет в себе какую-нибудь оценку – плохо или хорошо, добро или зло. Каждая мысль о чем-либо или о ком-либо сопровождается оценкой, которая переживается (переживание оценки «хорошо» доставляет удовольствие, «плохо» – боль, поэтому ее предпочитают избегать). Следовательно, сознание имеет дело с воображаемым образом идеального «Я» (Ч.Кули), с нереальностью, рожденной своими мыслями и представлениями о реальности, т.е. с такой картиной мира и себя самое, которая составлена на позитивных, комфортных для личностного эго оценках. На экран сознания выведена лишь оцененная на «хорошо» половина реальной жизни индивида в мире. Другая половина вытесняется на периферию однобокого эго-сознания, уходит в тень, где личное бессознательное

граничит с коллективным. Одностороннее эго-сознание – это сознание, претерпевающее сужение/расширение зоны восприятия под влиянием желания/нежелания индивида принимать/не принимать себя самого в своей целостности (в совокупности как позитивных, так и негативных оценочных суждений). И чем интенсивнее эмоциональная компонента оценочных суждений (о-суждений), тем глубже сдвиги (исключающие/включающие) смыслового содержания восприятия. Получается, что наши эмоции провоцируют сдвиг восприятия из зоны целостности, рождающейся в поле сопряженной работы правого и левого полушарий человеческого мозга.

Для Э.Гуссерля, анализирующего жизнь эго-сознания во времени, а, следовательно, в связанности интенций восприятия данное соображение не является важным. Почему? Потому, что в его феноменологии целостность восприятия поддерживается темпорально (при участии процедур ретенции и протенции). Течение времени, согласно Гуссерлю, позволяет состояться, во-первых, логической последовательности мыслительных операций по осуществлению ряда редукций, а во-вторых – манипуляциям с чистыми знаками (фикциями), свободными от обозначаемых предметов. Исследования же Деглина показали, что комбинаторикой фикций заведует только левополушарный механизм человеческого мозга. Другими словами, для Гуссерля более важна работа воображения, чем соответствие мысли реальности, поскольку феноменологическое мышление, которое он теоретически обосновывает как подлинно научное (очищенное от психизмов), соотносится с эмпирическим мышлением даже при нулевой активности правого полушария. А ведь именно правополушарный механизм ответственен за обеспечение связи материала, которым оперирует мысль, с обозначаемым фрагментом реальности! Следовательно, в ходе кардинального изменения реальности (технологического, инновационного, информационного и пр.) наличный опыт человека становится существенной проблемой на пути феноменологического становления мышления. Мыслительная деятельность, не подвергаясь остракизму (перенаправлением от созерцательного теоретизирования к освоению все новых и

новых реалий наличного опыта), обречена на продуцирование симулякров и иллюзии. Взнузданная воображением, мысль прокручивается *в пределах уже известного*, мыслитель не видит новых миров.

Под вопросом оказываются не только теоретические основания феноменологии Э.Гуссерля(в особенности, концепция трансцендентального «Я»), но и состоятельность практических рекомендаций по осуществлению ряда последовательных редукций с целью достижения позиции intersubjectivity. Эта позиция достижима при условии левополушарной фокусировки сознания, когда мышление функционирует в режиме смещенного восприятия действительности. *Без расширения границ опыта* любая феноменологическая процедура (в первую очередь, идеирующая абстракция) осуществляется в режиме иллюзии. Какое качество обретает при этом мысль? Вспомним: в философии Канта воображение уносит мысль на *самый высокий этаж сферы иллюзий*, где мыслительный процесс наделяется качественной определенностью высококачественной (возможно, *духовной*) энергии идеальных представлений и возвышенных эстетических чувств. В феноменологии Гуссерля воображение изначально заземлено, ему предшествует чувственное восприятие объектов реальности. Эпохэ и психологическая редукция призваны освободить мысль от тех миазмов чувственности, которые сопутствуют воображению, отягощенному образами материального мира. Опыт же эйдетической и трансцендентальной редукции приводит в мир, состоящий из логически взаимосвязанных эйдосов, имеющих отношение не к бытию идей (как у Платона), а к бытию сущего. Второе в принципе не соотносимо с первым, и эйдосы, как их понимает Платон, не тождественны гуссерлианским. Последние существуют в измерении архаического синкретизма воображаемого и реального, и имеют отношение не столько к реальности сущего, сколько к ее «сухому остатку». Руководствуясь именно этим измерением, Гуссерль обосновывает возможность существования научного сообщества в мире сугубо логических взаимосвязей, исключаящую любую непрозрачность и неясность суждений. Этот мир соткан из информации, имеющей отношение не только к

объектам реальности, но и к чувствам (а не к эмоциям, навеянными «вулканическими страстями» воображения)– например, таким, которые испытываются в процессе восприятия музыки или красного цвета.

Создается впечатление, что Гуссерль (вслед за Декартом) пытается описать путь достижения европейским ученым состояния «просветленного сознания», погруженного в чувства настолько чистые, что обретается способность «видеть» суть вещей, и в логические рассуждения привносится ясное понимание того, что же на самом деле происходит с теми или иными феноменами действительности. Однако, как показывают исследования Деглина, в действительности имеет место угнетение работы правого полушария мозга, смещающее фокус сознания в зону небытия. Никакие процедуры феноменологической редукции не в силах перенести отягощенную мысль в поднебесье. Ее энергия изначально не соотносится с тем качеством, которое свойственно эстетическим формам (идеалам) выражения возвышенных чувств и представлений. По этой причине фикции интенциональных актов имеют единственное ограничение. Оно задается качественной определенностью энергии, питающей процесс усмотрения сущностей (эйдосов). Энергия видения, или идеирующей абстракции, удерживает мышление на этажах, далеких от сферы идеального. Не случайно учение Гуссерля оказалось близким древнейшим практикам вхождения в измененное состояние сознания, получивших широкое распространение в культурной среде североамериканских индейцев[8, 21–30].

Видеть одно, а воспринимать видимое как другое есть эффект, обусловленный нарушением асимметрии функций полушарий головного мозга. Основополагающий для европейского культурного сознания, данный эффект явился объектом постмодернистской критики догматизма западной философской метафизики (логики, языка, текстов). Западная метафизика рассматривает сознание вне зоны бессознательного, как сознание в его чистом виде, в его логической и рациональной форме – т.е. как данное в полноте, при условии, что полнота эта задается и поддерживается логической, рационально-

понятийной формой философского языка мышления и описания. Любое философское понятие есть пустая форма, вторичный знак (Р.Барт), или фикция, чистый знак (Д.Юм, Э.Гуссерль), чье смысловое наполнение осуществляется в процессе установления отношений мыслящего с миром, другими, собой. Идея центрации рационально организованного сознания, выдвинутая Р.Бартом и Ж.Деррида, повлекла за собой разработку положения о децентрированной субъективности, вызвавшую смещение мировоззренческих ориентиров. Постмодернисты обосновали, что рациональное личностное «я» обнаруживает себя как догматическое моральное сознание, центрированное на смыслах лишь одного из полюсов бинарных оппозиций мышления и речи – т.е. как сознание, организованное согласно логике исключения и рождающее по лекалам этой логики соответствующую картину мира (мировоззрение). Децентрированная же субъективность обнаруживает себя в сознании, основывающемся на трансгрессивном выравнивании значимости смыслов обоих полюсов бинарных оппозиций мышления и речи. На практике это достигается посредством процедуры переворачивания (выворачивания наизнанку) смыслового содержания амбивалентного высказывания с последующим смещением мировоззренческого акцента на «теневую» сторону оппозиции. Именно так постмодернисты пытались достичь объединения крайностей, получения объемной картины происходящего. Представляется, однако, что подобное «объединение» достижимо на пути обращения к структурной организации даосских коанов, где бинарные оппозиции снимаются путем вывода сознания за пределы рассудочной рациональности, в просветленные слои психического.

Как бы то ни было, призыв к децентрированной субъективности не избавил постмодернистов от негативных эмоций (что указывает на непрерывность однополярной работы левого полушария мозга). Последние лишь усилились под влиянием нарушения границ и правил рассуждения дискурсивного жанра. Рациональное предстало иррациональным, разумное – рассудочным и акцент ставился на существовании иррационального в форме разума

(что сместило границу между разумом и рассудком, придало ей подвижность и проницаемость в обоих направлениях). В итоге воображаемый образ идеального «Я» дополнился образом теневого «Я», извлеченного с периферии эго-сознания при перемене исследовательской установки (в свете акцента на перевертыши смысловых значений бинарных оппозиций языка и мышления). Теневое «Я» признавалось свойственным каждому, как латентная инстанция авторитаризма, фашизма и тоталитаризма. Ее разрушение мыслимо через уничтожение общего правила смыслопорождения, истоки которого усматривались в процедуре идеализации, в соотносимости всего и вся с идеалом, с идеализированными представлениями как таковыми (в том числе, и о себе). Разрушить общее правило – значит, разрушить образ идеального «Я». Репрессировать необходимо оба образа «Я» – и идеальный, и теневой. В поисках средства, прерывающего непрерывность коннотаций понятийного метаязыка (доксы), Барт, видимо, настолько увлекся дроблением общего правила смыслопорождения, что игнорировал нарастание хаоса высвобождаемых им знаков[5, 38]. Последнее же свидетельствовало о все более ускоряющемся ритме работы левополушарного механизма головного мозга (это, в свою очередь, усиливало неспособность сознания к порядку, неизбежную в отсутствии правополушарной коррекции). Инстинкт самосохранения Р.Барта не спас[9, 15]. Не здесь ли причина проблем, возникающих на пути взаимодействия человеческой экзистенции и технологии?

Очевидно одно: естественной, *природной основой* работы механизма асимметрии функций полушарий человеческого мозга является инстинктивно-биологическое начало, ответственное за безопасность и выживание, стремление к защищенности, комфортное существование. Проявляясь на левополушарной стороне, инстинкт самосохранения усиливает нежелание человека принимать себя в своей целостности. В этой зоне человек не столько видит, сколько воображает. Проявляясь на правополушарной стороне, инстинкт самосохранения усиливает критическое отношение человека к происходящему. В этой зоне человек видит (а не воображает), но логически не свя-

зывает смыслы того, что видит. Получается, что инстинкт самосохранения несет ответственность за воспроизводство единичного существования отдельного индивида и его самосознания (центрированного, подверженного влиянию чувства собственной значимости). Творческий исток воображения тесно связан с активностью природных инстинктов, поддерживающих жизнь человеческого тела. Вместе с телом у человека появляется чувство границ индивидуального бытия, ощущение «Я», чувство разделенности, единичности. Воображение есть свойство разделяющей инстинктивной природы эго-сознания обособленного индивида («человека вообще»). Протекающая при участии воображения научная деятельность восходит к единичности «человека вообще», погружает его (как массового субъекта) в особое состояние – мыслительный процесс.

В буддизме и индуизме подверженность человека влияниям инстинктивной природы объясняется действием принципа «ахамкара». Первейшие из инстинктов (самосохранения и продолжения рода) контролируют поведение людей, пребывающих в состоянии непросветленного сознания (т.е. до поры, пока человек не завершит цепь перерождений и не покинет колесо сансары). С этой точки зрения, человечество в своей исторической эволюции не только не разорвало отношения с первобытным синкретизмом, но является хранителем его архаической организационной структуры. Выдвинем предположение: если люди в своих желаниях остаются подверженными влиянию инстинктов (особенно, когда это влияние избыточно и вопреки регулятивному назначению порождает симулякры) – вих жизни, деятельности и действиях всегда будет проявляться один и тот же, абстрактно-общий, паттерн социальной организации, репродуцирующий разные формы и конфигурации природнородового («одномерного») порядка-из-хаоса. Воображение – неотъемлемый участник этого воспроизводства. Угасание силы воображения указывает на то, что заканчивается срок действия ахамкары, и с ним истекает время проявления одномерного порядка. Но так ли это? Не исключено обратное: инстинкт родового самосохранения запустил процесс согласования функций

левого и правого полушарий человеческого мозга. Каково же будет соотношение подлинного и неподлинного в грядущем переустройстве общества?

Выше мы отмечали, что в процессе перехода человечества к новому этапу культурно-исторического развития пространственная компонента воображения изменяет свою перспективу. Добавим: если это и происходит, то не только посредством одной лишь инстинктивной компоненты воображения. Исследования Зукарелли [2, 99–101] позволяют заключить, что способность к воображению претерпевает трансформацию по мере того, как животный магнетизм страстей перерастает в магнетизм, проводящий волновые колебания звука. В ходе этого процесса воображение все более начинает соотноситься с чувствами посредством вибрации пространства, вызванной колебаниями звука. Получается, что развиваемая у современного человека способность к визуализации (опирающаяся на силу эмоций, порождаемых воображением) дополняется навыком видения, обретаемого с помощью слуха. Заметим: в философском дискурсе допускается возможность видения посредством возрастания роли слуха. В данной связи уместно вспомнить о различии Росцелином существующих только в мышлении колебаний голоса, а также о данном Дж. Беркли определении пространства как сочетания света и звука.

Индийский же музыкант и философ Хазрат Инайят Хан, размышляя о влиянии звука на человеческую жизнь, подчеркивал, что *глубокомысленный человек* думает и говорит не под воздействием импульса, а под влиянием силы воли (которая есть любовь [11, 69], контролирующая и направляющая активность ума) и ритма, в котором движется ум и от которого наблюдение получает пользу. Ритм приводит людей к гармонии друг с другом и создает разницу между одним человеком и другим. «Рассудок человеческого ума устроен так, что он все время как бы бежит по кругу. Некий ум совершает один круг в минуту; ум другого человека совершает один круг за пять минут; разум различен. Ум третьего человека совершает круг за пятнадцать минут; его разум опять же отличается. Чем больше требуется времени на совершение круга, тем шире горизонт видения человека и его взгляд на жизнь» [11,

79]. В данной связи Хан отмечает, что восточная философская традиция выделяет три ритма: *тамас*, *раджаси*, *сатва*. Человек, чей ритм жизни – тамас, знает земной разум, связанный с импульсом, побуждением. Тот, чья жизнь идет в ритме раджас, знает нечто превыше земных причин – разум, связанный с мыслью, скрытый за причиной. Разум, связанный с мыслью, – это средняя часть разума. Разум, связанный с импульсом, – это низшая часть разума. Тот же, кто живет в ритме сатва, начинает видеть основание каждой причины, которая находится в самых глубинах бытия. Разум, связанный с видением, есть Божественный разум. Это небесный, вдохновляющий разум, называемый *бодисатва*. «Сатва» означает «сущность», а «бодхи» или «буддх» значит «разум» [11, 75–76]. Именно этот разум открывают в себе видящие, святые, мистики и пророки; на этом разуме основаны религии, идеи мистицизма и философии. Согласно Хану, три ритма движения ума порождают три пути (способа) восприятия. Один из них (восприятие-мысль) принадлежит поверхности ума. Мысли проявляются для нашего ума, обладая различными формой, линией и цветом. Иной путь есть восприятие-чувство, переживаемое глубинами сердца. Чем сильнее это качество пробуждено в человеке, тем лучше он воспринимает чувства других. Хан выделяет разницу между эволюцией двух людей: того, кто живет на поверхности сердца, и другого, живущего в его глубинах. Первый живет в своем уме, второй – в своем сердце. Третий путь восприятия – интуиция, или путь духовного языка (духовного зрения). Он осуществляется не через мысль или чувство, но исходит из самых «великих» глубин сердца. Хан полагает, что человек способен познавать жизнь в ее полноте, только тогда, когда все три типа восприятия у него развиты.

В призме выделенных трех ритмов ума и свойственных им типов восприятия появляется возможность распознать, в силу чего мыслительный процесс эволюционирует в интуицию, становясь *чистым видением* жизни в причинно-следственной связи всех ее ситуаций (т.е. *вневременным знанием* – «буддхи» о том, что не подвластно влиянию иллюзии). Х. Хан следующим об-

разом объясняет связь воображения, рассудочного мышления, интуиции, ума: «Разница между мышлением и воображением в том, что воображение, фантазия, является автоматической работой ума. Если ум тонок, то воображение тонко; если ум плотен, то имеет место грубое воображение; если ум прекрасен, то прекрасно и воображение. Мышление – это тоже воображение, но воображение удерживаемое, контролируемое и направляемое волей» [11, 89]. Согласно данной логике, мышление обращается в интуицию по мере замещения творческой силы воображения вневременным (сатва) видением/ведением у тех немногих людей, кто вовлечен в духовные практики эмоционального, ментального, физического очищения ума (на языке Флоренского – «истоньшения плоти»).

Сопоставляя западную и восточную традиции понимания роли и места воображения в человеческой жизни, можно спорить о том, что в них иллюзорно, а что приближено к действительности. Очевидно одно: представленные контексты понимания истоков и сути творческой силы воображения позволяют каждому (и по-своему) разрешать вопросы: *«как влияет воображение на жизнь человека в обществе», – «в какой мере общество, в котором мы живем, является воображаемым».*

1. Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004.
2. Гроф С. За пределами мозга. М., 2000.
3. Гуссерль Э. Избранные работы. М., 2005.
4. Деглин В. Мозг и парадоксальное сознание, или О подпоручике Кижее и поручике Синюхаеве // Знание-сила. 1989. №7.
5. Зенкин С. Ролан Барт – теоретик // Барт Р. Мифологии. М., 2008.
6. Кант И. Соч. в 6 т. М., 1966. Т.5.
7. Касториadis К. Воображаемое установление общества. М., 2003.
8. Классен Н. Мудрость толтеков. Карлос Кастанеда и философия дона Хуана. Киев, 1996.
9. Косиков Г. Ролан Барт – семиолог, литературовед. // Барт Р. Нулевая степень письма. М., 2008.
10. Раушенбах Б.В. Пространственные построения в древнерусской живописи. М., 2012.

11. Хан Х.И. Мистицизм звука. М., 2004.

12. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч. в 2 т. М., 1965. Т. 1.